

Любите Родину, мать вашу

Гротескный образ России в картинках и письмах Максима Кантора

Для пафоса следовало бы начать с чего-то наподобие «этого автора за границей знают лучше, чем дома», но выйдет неправда. В московских художественных кругах Кантора знают все или почти все. Утверждать, что Кантор в чем-нибудь не прав или делает что-то не так, есть признак хорошего тона. Упреки не лишены оснований, зато художнику не откажешь в твердости и последовательности. Взвзавшись лет двадцать назад за метафорическую правду-матку о российской действительности, режет по сию пору.



Русский Сфинкс. Наваян Блоком.

Поводом для персональной выставки в Третьяковке стал выход большого графического альбома «Пустырь. Атлас». Комплект из 70 листов отпечатан в лондонской принт-студии существенным тиражом, часть которого уже разошлась по европейским коллекциям. Даже удалось создать эффект одновременного присутствия в Москве и Лиссабоне, где только что открылась аналогичная выставка – правда, без живописи, занимающей в Инженерном корпусе ГТГ отдельный зал. Склонный к парадоксам, Кантор объявил многометровые холсты подготовительным материалом для книги, куда помимо упомянутых офортов включены тексты писем к «любимой» и «милому другу», персонажам условно-реального диапазона.

Думается, Максим Карлович облек свои размышления в эпистолярную форму по причинам композиционным, чтобы не получился утомительный трактат. С другой стороны, жанр продиктован полемикой с автором «Философических писем». С третьей, не исключено, что он и вправду адресовал свои мысли близким людям. Так или иначе, результат оказался впечатляющим. Предлагаемые рассуждения не то чтобы ошеломляют (в них не так уж много революционного) и не то чтобы подавляют доказательностью (этого еще меньше), но завораживают эссеистической стройностью.

Кантор с первых строк дает понять: читательское снисхождение здесь излишне, наоборот, следует собраться с критическим духом, потому как вас будут настойчиво и квалифицированно припирять к стенке. Что вы можете возразить на это, сумеете ли отмахнуться от того? В предмете вечные вопросы о взаимоотношениях Европы и России, о цивилизации и варварстве, диктатуре и демократии, авангарде и традиции. Постепенно у философа-корреспондента вырисовывается амплуа: добровольный изгой общественного сознания: «Легко быть диссидентом по отношению к советской власти, когда за спиной у тебя весь мир, а стать диссидентом по отношению к миру – страшная глупость. Боюсь, я ее совершил». К этой «глупости» он подвигает и читателя, и, чтобы не посчитать оппозицию нынешнему мироустройству единственно честным выходом, приходится с автором спорить, тем самым уточняя собственные представления.

Пишет все это, конечно же, не процветающий художник Максим Кантор, а сидящий в нем провокатор-мыслитель. Художник за мыслителем пытается поспеть, то бишь проиллюстрировать воззрения. С последним тезисом экспонент наверняка не согласится, но так уж оно понимается. Иначе как объяснить, что новая графическая серия насквозь литературна – начиная с названия и техники (применен способ двойной печати: поверх офортных штрихов, олицетворяющих европейскую культуру, нанесены красные оттиски с деревянных досок, что отсылает к восточной традиции). Да и сюжеты все больше аллегорические – «Россия в образе Сатурна», «Нестранствующие комедианты», «Постель в палате №7». Карикатура и фарс, натурализм и экспрессия, надсада и безысходность... Такой России нет и никогда не было, как не было Франции Домье или Германии Дикса, даже еще в большей мере нет и не было, потому что Кантор не только шаржист и экспрессионист, но и оригинальный историософ. Так и кажется, что посредством гравюр, проникнутых «тоскливой страстью», художник продолжает свой обличительно-раздумчивый монолог. Но у изобразительного искусства другие пластические возможности, нежели у словесности, прямой перевод с языка на язык исключается. Вам попадались когда-нибудь иллюстрации к блоковским «Скифам»? А вот для художника Кантора Россия-Сфинкс не проблема, берет и изображает. Может и «Колесо истории» запечатлеть, и еще что-нибудь умозрительное.

При всей технической изощренности и расставленных вешках принимаются эти листы с трудом, выбранными частями и с большими оговорками. Как уж пройдет анонсированный тур по двенадцати российским городам, даже подумать боязно. Вот за Лондон и Берлин, куда ляжет путь впоследствии, можно не опасаться: у европейцев к работам Кантора есть какая-то своя, волшебная отмычка. Не здесь ли и секрет кроется: пойдем, в чем прелесть гравированных кошмаров – и немедленно вольемся в семью цивилизованных народов. Но, видать, не время еще...

Дмитрий СМОЛЕВ, для «Новых Известий».